

И.В. Побережников

Екатеринбург

**К ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ НАРОДНОЙ
СОЦИАЛЬНО-УТОПИЧЕСКОЙ ЛЕГЕНДЫ
О ЦАРЕ-«ИЗБАВИТЕЛЕ» ПЕТРЕ II**

(начало 1760-х гг.)

В классических исследованиях чл.-корр. РАН К.В. Чистова¹ реконструирована устойчивая сюжетная схема, лежащая в основе народной социально-утопической легенды о возвращающихся царях-«избавителях», проанализировано бытование данной легенды в XVII–XIX вв., ее влияние на социальное поведение низов, проявлявшееся в деятельности самозванцев, распространении слухов, подметных писем, в движениях открытого социального протеста. Согласно концепции автора, после смерти в 1730 г. императора Петра II его имя использовалось на протяжении 1730–1760-х гг. в некоторых вариантах социально-утопической легенды в качестве символа для мобилизации масс на социальный протест. По мнению К.В. Чистова, легенда о царе-«избавителе» Петре II формировалась как «антиолигархическая и антидворянская», была связана с казачеством и расколом, но, несмотря на относительно длительный срок бытования, «не получила значительного развития»².

Итак, в 1730-х — первой половине 1760-х гг. в народной среде циркулировали смутные слухи о том, что в 1730 г. вместо императора Петра II был погребен другой человек; самого же государя — отнюдь не умершего — «злые бояре» увезли за море (например, в Италию), где и заточили: в «столп», в стену, в палатку. Легенда получила распространение как в европейской России, так и в восточных регионах страны³. Одно из наиболее ранних свидетельств ее бытования датируется 1736 г. Тогда на Алапаевском заводе, на Урале, ссыльный А. Охлеста произнес «слово и дело» на другого ссыльного же В. Тимофеева, который, по словам первого, говорил, что «второй де Петр Император жив и обретается на Дону у казаков. Также де и Перваго Петра Императора не было семь лет, а потом воцарился»⁴.

Активизацией народного интереса к легенде о Петре II отмечен 1761 г., когда в Пошехонском и Вологодском уездах были обнаружены целых три подметных письма, в которых фигурировали легендарные сведения о покойном императоре.

6 октября 1761 г. подушного сбора канцелярист Иван Бухарин предъявил в Пошехонскую воеводскую канцелярию (Ярославская провинция) два подметных письма, полученные им от монастырского крестьянина с. Пертомы (вотчины Андрианова монастыря) Федора Наугольного. Последний на допросе в канцелярии показал, что во время его ночного дежурства в карауле у соляных амбаров проезжавший мимо на телеге неизвестный, якобы житель деревни Малафеевой того же Пошехонского уезда, возвращавшийся из Петербурга, передал ему запечатанный конверт, адресованный Бухарину. В конверте оказалось два письма. Первое, писанное на 1/8 листа полууставом, предназначалось Бухарину. Второе, на полулисте, не имело адресата⁵. Дело было передано в контору Канцелярии тайных розыскных дел.

Оба письма были составлены от имени императора Петра II. В первом, кратком, содержался призыв к крестьянам покидать своих господ (помещиков и монастыри) и собираться вокруг истинного монарха, пребывающего в живых: «1761 года июля 6 числа я пишу, втори император Петр Алексеевич. Объявляю во всенародное известие, чтобы которые письма я, второй император Петр Алексеевич, давал о себе объявить письма и куда оные надлежит отсылать, а ежели кто такие объявительные письма зачем отложит и утаит, то будет живота лишен. Еще объявляю о том, что которые люди боярские или монастырские и каких чинов ни есть, чтобы шли без всякаго опасения. Я, втори император Петр Алексеевич, таких приемлю, а выдачи не будет. Будьте готовы»⁶.

Во втором письме, пространным, повествовалось о злоключениях «императора великороссийского» Петра II после того, как усилиями «изменщиков» он был отлучен от власти в Московском государстве. Законного государя, сообщалось в письме, в чужой земле заклали «в столбе», где он провел 25 лет. Затем, благодаря чуду, Петру удастся освободиться — на небе, «с полуденной стороны, к востоку», появился всадник на белом коне, «дувал ветер и земля тряхнулась, столп каменной расселся, а я, Петр Алексеевич втори император, вышел из столба и за крепость (караулы уснули). И шел из той земли аннинской и чрез земли прочие. И дошел до польской земли». В качестве места заточения Петра II в данном случае фигурирует загадочная «аннинская земля», которая, вероятно, может быть идентифицирована с одним из итальянских государств той поры (в некоторых вариантах легенды узилище Петра II локализуется именно в Италии).

В польской земле легендарный Петр II встречает русских староверов — «людей много, имеют жительство, а они Московско-

го государства». Часть этих староверов — 500 человек, — откликнувшись на призыв Петра, якобы отправилась в Россию — «и пришли в Пошехонский уезд, в Шелшедамскую волость; в лесу построили келью и в той келье жили, молилися богу и за Ея императорское величество». В письме сообщалось, что за 6 лет из пришедших с Петром II старообрядцев 200 человек умерло.

Петр II инкогнито отлучается в Углич. В это же время, согласно тексту письма, в убежище староверов нагрянула команда из Пошехонской канцелярии — Бухарин, сотский и понятые. Бухарин получил от староверов, согласно версии автора письма, взятку в размере 1000 руб. за то, чтобы тех оставили в покое на полгода — год. Однако, обещание свое Бухарин не выполнил и якобы сжег келью вместе со всем имуществом.

«За такое за все заплати», — обращался с угрозой к Бухарину «император».

Далее сообщалось, что Петр II уже информировал обо всем вышеписанном «к Ея императорскому величеству тетушке своей Елисафет Петровне». В данном письме Петр просит «тетушку» отдать ему вотчину, оставшуюся после смерти Архипа Евдокимовича Грибошина (видимо, один из унтер-офицеров и рядовых лейб-компании, пожалованных именьями в Шелшедамской волости после восшествия на престол Елизаветы), и грозит застрелить ложных наследников, которые пытаются незаконно, за взятки, присвоить себе именье⁷.

В Тайной конторе Ф. Наугольный в дополнение к сказанному ранее показал, что летом 1761 г. в Пошехонье ходила народная молва о командировке в Шелшедамскую волость команды под руководством И. Бухарина для высылки в воеводскую канцелярию скрывавшихся там в лесах староверов. Последние не допустили к себе команду и подвергли себя самосожжению. Бухарину удалось привезти в канцелярию лишь двух старообрядцев, отсланных впоследствии в Ростовскую духовную консисторию⁸. После этих показаний подозрения в составлении пасквилей пали на староверов.

Вскоре открылся еще один случай распространения подметных писем. 19 октября вечером дворовый человек флотского унтер-лейтенанта Ф. Бердяева Степан Тимофеев передал на квартире воеводе Вологодской провинции конверт, запечатанный сургучом. В письме оказались «неосновательные многие криминальности», вследствие чего Тимофеев был сразу же задержан. На допросе в провинциальной канцелярии Тимофеев рассказал, что он проживает в сельце Семенцове Вадожской трети Вологодского уезда.

В провинциальный центр он прибыл для платежа подушных денег. По пути, в Брюховской волости, Тимофеев встретился с незнакомцем, одетым по-крестьянски, якобы крепостным из дер. Барашевой Телепшинской волости, который и попросил его передать воеводе письмо, «завернутое в тряпиче». Поиски незнакомца не увенчались успехом. С. Тимофеев с пасквильным письмом были переправлены в Тайную контору, где обнаружилось, что все письма, как из Пошехонского, так и из Вологодского уездов, были написаны одной рукой. Кроме того, письма оказались схожими и по содержанию — «в некоторых терминах»⁹.

В письме из Вологодской провинции Петр II вновь обращается к Елизавете Петровне за помощью: «1761 года пишет государь вторы император Петр Алексеевич, российский самодержавец, государоне великороссийской самодержавнице Елисафете Петровне, тетушке».

«Пожалуй, государоня, прошу не прогневатца, что по-прежнему звестиям помощи мне не сотворила. Возрадовались моему безвременью, а нынеши пишу, вторы император Петр Алексеевич, государоне Елисафет Петровне тетушке ниски поклон. Пожалуй, подай помощь». Далее автор письма от лица Петра II констатирует наличие беспорядка в государстве и угнетение народа: «Ныне, что я кожу в Московском государстве по градам и монастырям, и по селам, и деревням, то вижу плач во дни и ноци во всем государстве».

Затем излагаются планы Петра II по возвращению на царство — а Елизавете Петровне предлагается сделать верный выбор, оказав военную поддержку «избавителю»: «я хопу возвратно быти [в] великороссийскую московскую державу. Пришли, государоня, 12 полков наполных (пехотных, полевых — И.П.) и драгунских б. С сими полками возвращуся вскоре в свою державу. А именно вышписанные полки во град Углич. А ежели не поплешь, то я пойду в армию. Аще армия мне не последует, обещается все московское государство поможение дати, потому же я волницу кличу».

Далее, автор письма уверял, что он действительно Петр II, и просил освободить тех людей, которые ранее были задержаны с его письмами.

Затем вновь следует страстный призыв к Елизавете об оказании помощи, подкрепленный новой аргументацией: «Да еще пишу я, вторы император Петр Алексеевич, великороссийской самодержавец, государоне Елисафет Петровне, великороссийской самодержавнице, тетушке, ниски поклон. Пожалуй, государони прошу покорно, подай помощь руки своея. О том прошу государони моего прошения не оставить Петра Алексеевича, Великого самодержавца, моего

скитания в нищенстве и в наготе, всяких нужд терплю, да и еще того наипаче, насмеханья от церковников, что они мя заупокой поминают, и еще пришельцы земли польские — власть они себе получили во архиереи, а я от них нигде места не обретаю... и ис пустынь изгоняют, разве мне из Рассей выйти, а в Расsee полякам жити. Пишу я, Петр Алексеевич, вторы император, ниской поклон со слезами государони тетушке Елисафет Петровне, великороссийской самодержавнице, пожалуй, государоня, пиши обо мне то мати моя от цыцаря христианскаго в ту же землю цыцарскую той же земли цыцарской мати наследница и матере моей есть сестры и сродницы, потому же и мне есть тетушки. Пожалуй, государони, пиши к ним известие обо мне, чтобы ведали. Да еще пишу... что лукавые зло хитрецы... злою хитростью моих изменщиков, что они мя разлучили с моими сродники и со всем государством и отдали в руки неверным в землю аннинскую, к королю Мерьян (? — И.П.), а он по их прошенью изменщиков моих закла меня в столп в каменной...»

Далее повторяется история чудесного освобождения после 25-летнего заключения: «из полуденные страны к востоку человек на коне едет на белом и крепко коня принуждает и из копыт на земле слышит. Мало время погода с небеси ветр дунул и земля тряхнулась, а столп каменной расселся, караулы уснули, а я, Петр Алексеевич, вторы император, из столба вышел и из крепости. И шел из той земли чрез земли словинскую и турецкую, и полскую и пришел в Московское государство. И вижу, что в Московском государстве много поляков, а они же смеютца московскому государству, что протчие земли московского государства не могут завоевать, а мы де, поляки, Московское государство клюками (вероятно, имеется в виду, очевидно, посох как знак власти церковного иерарха — И.П.) завоевали...»

И наконец, неожиданно следует просьба к государыне пожаловать во владение землю между двух уездов, Пошехонским и Вологодским, с лесом. А затем Петр II призывает «собрать всех польской земли пришельцев в единое место и держать их крепко, а я приду к ним... потому же они по божественному писанию образом человекчи, а внутри лютые звери»¹⁰.

Итак, на протяжении второй половины октября 1761 г. официальным властям было передано два послания, содержащие три письма, составленные от имени Петра II. Второе послание относится к более позднему времени, в нем содержится сообщение о первом послании.

Первое письмо, по существу, являлось обращением к широким народным низам собираться в единый лагерь («вольницу кличу»).

Второе письмо (из Пошехонского уезда) содержит угрозу в адрес чиновника Бухарина за притеснения, причиненные староверам, а также просьбу к императрице пожаловать выморочное имение. В этом письме также описывается история странствий Петра II за границей (в пленении) и в России, в период его жизни в лесном убежище староверов.

Третье письмо (из Вологодского уезда) содержит ряд просьб к императрице Елизавете Петровне: 1) об оказании военной помощи; 2) об информировании о судьбе Петра его родственников из цесарской земли, т. е. Австрийской империи (матерью реального Петра II была немецкая принцесса София Шарлотта Брауншвейг-Вольфенбюттельская; но ее старшая сестра Елизавета-Христина была выдана замуж за австрийского императора Карла VI, т. е. у Петра II могли быть родственники в «цесарской земле»; отец Петра II, царевич Алексей Петрович, спасался от гнева отца Петра I именно во владениях своего свояка — Карла VI); 3) о пожаловании земель на границе Вологодского и Пошехонского уездов. В этом же письме присутствует скрытая угроза в адрес правящей императрицы обратиться непосредственно к армии за помощью, в случае отказа Елизаветы поддержать Петра, или, в конце концов, поднять общенародное восстание («вольницу»). Первое письмо, вроде бы, должно было служить свидетельством серьезности намерений Петра II, уже обратившегося к народным низам.

Во втором письме констатируется наличие поддержки Петру II со стороны старообрядцев, группу которых он выводит из пределов Речи Посполитой, в келье которых он проживает в пошехонских лесах. Третье же письмо содержит острые обвинения в адрес церковных иерархов, выходцев с Украины («поляков»), известных своим непримиримым отношением к староверию. Вполне вероятно, что гневные филиппики, обращенные против украинского духовенства, имели конкретный адрес. Дело в том, что в это время митрополитом Ростовским и Ярославским (а территории распространения подметных писем как раз входили в состав Ростовской епархии) был Арсений Мацеевич, происходивший из польского шляхетского рода, прославившийся преследованием старообрядцев, обучавший священников ведению полемики с ними¹¹ и даже написавший специальный труд, направленный против «неправды раскольнической»¹².

Описания странствий царя-«избавителя» и его чудесного спасения в общем соответствуют сюжетной канве социально-утопической легенды и тем конкретным проявлениям, в которых нашла свое выражение легендарная версия, посвященная Петру II. Известно, что подобные слухи циркулировали даже в Восточной Сиби-

ри (в связи с этим в 1761 г. было открыто дело по заявлению игумена Киренского монастыря Вениамина Юзифовича)¹³. Согласно сибирскому варианту легенды, в 1730 г. в России был похоронен не император Петр II, а «персона того государя императора Петра второго, сделанная из белого воску», сам же Петр жив и находится «в других государствах», передал через какого-то иностранного купца (даже называется фамилия Гульф) письмо императрице, вследствие чего последняя направила на поиски Петра II великого князя Петра Федоровича. По одной из сибирских версий, история «открытия» Петра II выглядела следующим образом: «бегал по морю некий купец», «внезапу нападе на него волна морская», купец поклялся, что раздаст все свое имение нищим ради спасения; через некоторое время в некотором государстве купец стал раздавать имение и дошел до окошка в стене (в данном варианте Петр II заточен в стену), из которого ему подали сапог, в котором оказалось письмо с известием к Елизавете Петровне о том, что Петр II жив. Елизавета Петровна, как утверждали в Сибири, «изволила говорить, когда оной государь император Петр второй в Россию будет, тогда престол уступит. И его высочества наследника Петра Феодоровича в России уже 5 месяцев нет»¹⁴.

Что касается подметных писем, распространявшихся в Вологодском и Пошехонском уездах, то с высокой долей вероятности можно приписать их авторство (или соавторство) самозванцу Ивану Михайлову (Иеву Евдокимову), который был схвачен в 1765 г. в нижегородской провинции за присвоение имени Петра II¹⁵. В 1747 г. рекрут И. Михайлов бежал, 5 лет жил в унженском лесу со староверческим старцем Ларионом, а потом с ним же еще 10 лет в пошехонских лесах (т. е. как раз в 1761 г. И. Михайлов должен был находиться в Пошехонском крае). Старец обучил И. Михайлова письму. В период отсутствия Михайлова Ларион сжег себя в келье, чтобы не сдать команду из Пошехонья (руководимой И. Бухариным — И.П.). Впоследствии И. Михайлов перебрался в староверческие скиты Юрьевского уезда, где назывался Петром II и писал письмо уже Екатерине II, ходатайствуя о свободе в расколе и избавлении от платежа казенных податей. В письме снова звучала угроза собрать «вольницу», если автору не будет оказана милость. Затем последовало возвращение в пошехонские леса, а в 1764 г. И. Михайлов прибыл к керженским старообрядцам.

На допросах самозванец признался, что о чудесном спасении Петра II он слышал от старца Лариона. И. Михайлов рассказывал легендарные сведения об императоре, якобы того бояре увезли в Ита-

лию, где он содержался в каменном столбе 24,5 года, а затем в столбе сделалась расселина, благодаря чему Петр II и ушел в Россию.

Подметные письма, рассылавшиеся в 1761 г. и обращенные к царствующей императрице, содержали слишком разномасштабные требования, что свидетельствует о неформальности, аморфном характере плана дальнейших действий, а, может быть, и о его отсутствии. Вполне вероятно, что сам самозванец не помышлял о радикальном повороте событий и развертывании открытой борьбы против государства. Также вероятно предположить, что подметные письма призваны были в первую очередь произвести впечатление на тех старообрядцев, с которыми жил и общался И. Михайлов. По крайней мере, на допросах он уверял, что присвоил имя Петра II только ради того, чтобы его записали в келейные раскольники «для одного пропитания».

Примечания

¹ См.: Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967; Он же. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003.

² Он же. Русская народная утопия. С.161–166.

³ Он же. Русские народные социально-утопические легенды. С.130–132; Покровский Н.Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII — середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С.63–64.

⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Л. 475. Лл. 25–27 об.; Побережников И.В. Материалы по истории народной политической культуры (XVIII в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1: К 380-летию восстановления российской государственности (1613–1993). С.136–140.

⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1988. Лл. 2–4, 6–7 об. (дело плохо сохранилось).

⁶ Там же. Лл. 4–4 об.

⁷ Там же. Лл. 4 об.–5 об.

⁸ Там же. Лл. 7 об.–8.

⁹ Там же. Лл. 13 об.–17.

¹⁰ Там же. Лл. 18–20 об.

¹¹ Об Арсени Мациевиче как обличителе раскола // Православный собеседник. 1861. Т.3. С.349–393.

¹² Феофилакт (Лопатинский). Обличение неправды раскольнической. М., 1745. Арсению принадлежат Дополнения, подготовленные к этому изданию.

¹³ Покровский Н.Н. Обзор сведений судебно-следственных источников... С.64.

¹⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1989. Лл. 7 об.– 9, 12.

¹⁵ Сивков К.В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т.31. С.99–103.

